

**Александр Николаевич****СИЛАКОВ,**

аспирант кафедры

конкурентного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

alexander.silakov**@denuo.legal**

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская,

д. 9

Координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов в условиях цифровой трансформации: от ассоциаций и союзов до цифровых платформ

Аннотация. Исследование посвящено анализу применения запрета на антиконкурентную координацию экономической деятельности в свете появления принципиально нового типа координаторов — цифровых платформ. Показано, что цифровые платформы, даже в отсутствие рыночной власти в контексте доминирования, могут иметь значительную власть над участниками таких платформ благодаря сетевым эффектам, цифровым алгоритмам и контролю над данными. Сделан вывод, что в таких случаях запрет на антиконкурентную координацию экономической деятельности может стать эффективным механизмом пресечения антиконкурентных практик в цифровой среде. Особое внимание уделено проблеме разграничения вертикальных соглашений и запрещенной координации, а также роли цифровых алгоритмов в усилении антиконкурентных эффектов. В обоснование выводов проведен сравнительно-правовой анализ российского и европейского регулирования, результаты которого демонстрируют необходимость адаптации антимонопольных норм к цифровой среде. **Ключевые слова:** координация экономической деятельности, экономическая зависимость, конкурентное право, цифровые платформы, цифровые алгоритмы

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.204-213

Aleksandr N. SILAKOV,Postgraduate student of the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)**alexander.silakov@denuo.legal**

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Family and modern bankruptcy law

Coordination of Economic Activities in the Context of Digital Transformation: from Associations and Unions to Digital Platforms

Abstract. The study examines the application of prohibition on anti-competitive coordination of economic activity in light of the emergence of a fundamentally new type of coordinator — digital platforms. It demonstrates that digital platforms, even without market dominance, can exert significant control over their participants through network effects, digital algorithms, and data control.

The conclusion is drawn that in such cases, prohibition on anti-competitive coordination can serve as an effective tool for curbing anti-competitive practices in the digital environment. Special attention is given to distinguishing between “vertical” agreements and prohibited coordination, as well as the role of digital algorithms in amplifying anti-competitive effects. A comparative legal analysis of Russian and European regulation supports these conclusions, highlighting the need to adapt antitrust norms to the digital landscape.

Keywords: coordination of economic activities, economic dependence, competition law, digital platforms, digital algorithms

Запрет на антиконкурентную координацию экономической деятельности в отечественном антимонопольном законодательстве появился только в 1995 г. путем принятия поправок в Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее — Закон 1991 г.). Изначально законодатель ограничил сферу действия данного запрета, распространив его исключительно на объединения коммерческих организаций (ассоциации и союзы), хозяйственные общества и товарищества. Однако в 2002 г. упоминание субъектов-координаторов и вовсе было исключено из Закона 1991 г.

Несмотря на широкий круг субъектов, потенциально имеющих возможность координировать экономическую деятельность хозяйствующих субъектов, объектом особого контроля антимонопольного органа в тот период являлась деятельность ассоциаций и союзов, поскольку такие объединения создаются непосредственно для целей координации предпринимательской деятельности их членов. По этой же причине действия по созданию союзов и ассоциаций были включены в предмет государственного контроля за экономической концентрацией.

Следует согласиться с тем, что базовый смысл категории координации экономической деятельности, заложенный в Законе 1991 г. соответствующими поправками, корреспондировал ведущим зарубежным правовым порядкам, в частности, положениям ст. 101 Договора о функционировании Европейского союза, которая, среди прочего, запрещает объединениям хозяйствующих субъектов принимать решения, приводящие к противоправным последствиям¹.

Дальнейшая история развития практики применения запрета на антиконкурентную координацию демонстрирует фундаментальные изменения в экономических отношениях, вызванные цифровой трансформацией общества.

¹ Гаверилов Д. А. Становление и развитие правового запрета антиконкурентной координации экономической деятельности в отечественном конкурентном праве // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 3 (35). С. 12.



Цифровая платформа как новая разновидность субъекта-координатора

В отличие от начального этапа развития отечественного антимонопольного законодательства, когда личность координатора ассоциировалась преимущественно с отраслевыми предпринимательскими объединениями, сегодня круг потенциальных координаторов существенно расширился, и прежде всего за счет появления цифровых платформ.

В юридической науке наличие у цифровых платформ координационных возможностей не подвергается сомнению. Так, Л. К. Терещенко в качестве одной из значимых характеристик цифровой платформы называет ее способность обеспечивать взаимодействие большого числа участников в единой интернет-среде, координируя действия различных участников².

Д. В. Кожемякин и С. М. Миронова также обращают внимание на возможность оператора цифровой платформы контролировать и координировать деятельность большого количества формально независимых продавцов, подрядчиков и исполнителей³.

Вместе с тем в российской правоприменительной практике подавляющее большинство дел о нарушении антимонопольного законодательства цифровыми платформами связано со злоупотреблением последними доминирующим положением, тогда как применение запрета на координацию экономической деятельности к цифровым платформам на данном этапе не нашло широкого распространения.

Последняя зарубежная практика свидетельствует об активизации применения запрета на антиконкурентную координацию в рамках ЕАЭС, а также сходных с ним институтов в иных юрисдикциях. Так, Агентство по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан привлекло к административной ответственности агрегатора такси за координацию экономической деятельности таксопарков⁴.

Другим показательным примером является дело гостиничного агрегатора Booking, которое стало объектом разбирательства во многих европейских юрисдикциях. Booking требовал от гостиниц соблюдения паритета цен при размещении на платформе предложений таких гостиниц, в результате чего отели были лишены возможности предлагать более выгодные условия размещения как на собственном сайте (узкий паритет цен), так и на платформах других агрегаторов (широкий паритет цен)⁵.

² Терещенко Л. К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 163—175.

³ Кожемякин Д. В., Миронова С. М. Антимонопольные аспекты деятельности операторов цифровых платформ в гиг-экономике // Закон. 2024. № 3. С. 150—159.

⁴ Об итогах антимонопольного расследования в отношении «Яндекс. Такси» в Казахстане // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/zk/press/news/details/671812> (дата обращения: 07.06.2025).

⁵ Мильчакова О. В. Нарушение конкуренции онлайн-платформами в сфере туризма (в части требований о паритете цен): опыт зарубежных стран // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 3 (19). С. 55.

Большинство европейских регуляторов квалифицировали указанные действия в качестве недопустимых вертикальных соглашений. Причем ответчиком была признана только платформа, но не гостиницы, что весьма сходно с подходом российского антимонопольного органа, применяемым при рассмотрении дел о вертикальной координации⁶.

В этой связи отечественными исследователями небезосновательно высказывается мнение о том, что «по своему внутреннему содержанию и правовой природе квалификации рассматриваемых действий, примененной конкурентными ведомствами зарубежных стран, могут соответствовать положения ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции»⁷.

И хотя российский регулятор пошел по иному пути — через обвинение Booking в злоупотреблении доминирующим положением⁸, запрет на антиконкурентную координацию, на наш взгляд, может стать эффективным механизмом пресечения антиконкурентных практик в цифровой среде, особенно в тех случаях, когда цифровая платформа, формально не занимающая доминирующее положение, обладает определенной властью над участниками такой платформы.

Координация и экономическая зависимость

Текущая редакция п. 14 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» под координацией понимает согласование действий хозяйствующих субъектов третьим лицом, которое не входит в одну группу лиц с такими хозяйствующими субъектами и не осуществляет деятельность на том же товарном рынке, на котором происходит координация. Причем запрещенной признается не любая координация, а только та, которая приводит к последствиям, указанным в ч. 1—3 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

Несмотря на то, что суть процесса согласования в Законе не раскрывается, правоприменительная практика и юридическая доктрина выработали свои критерии, согласно которым согласование предполагает совершение координатором активных действий, направленных на формирование у координируемых лиц определенной согласованной модели поведения путем понуждения к совершению или отказу от совершения определенных действий, и обеспечиваемых применением различных санкций или мер стимулирования (выплатой бонусов, премий). Основой согласования может выступать экономическая зависимость координируемых субъектов от координатора.

Особенно ярко такая зависимость находит проявление в отношениях между продавцами и транзакционными цифровыми платформами, что достигается прежде всего за счет сетевых эффектов, т.е. повышения ценности платформы вследствие увеличения количества продавцов и покупателей, совершающих сделки через платформу.

⁶ Гаверилов Д. А. Указ. соч. С. 14.

⁷ Мильчакова О. В. Указ. соч. С. 59.

⁸ Решение ФАС России от 29.12.2020 по делу № 11/01/10-41/2019 // URL: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2025).



Очевидно, что продавцы, полностью интегрировавшие свои бизнес-процессы (учет, логистику, маркетинг) с конкретной цифровой платформой, могут столкнуться со значительными барьерами при попытке диверсификации каналов сбыта ввиду высоких издержек перехода на альтернативные площадки. Такой переход может быть сопряжен, помимо прочего, с утратой конкурентных преимуществ, накопленных продавцом на прежней платформе. Кроме того, платформы через свои алгоритмы ранжирования могут существенно влиять на видимость продажи товаров, фактически создавая ситуацию, при которой соблюдение «рекомендаций» платформы становится обязательным условием выживания бизнеса.

В этом контексте заслуживающим внимание представляется итальянский опыт. В Италии, как и во многих других европейских юрисдикциях (например, Германии, Франции, Бельгии), наряду с запретом на злоупотребление доминирующим положением, в качестве самостоятельного запрета выделяется запрет на злоупотребление экономической зависимостью⁹.

Хотя данный запрет не является абсолютным аналогом отечественного запрета на антиконкурентную координацию, следует признать, что в основе обоих институтов лежит сходная категория экономической зависимости.

Согласно ст. 9 итальянского Закона от 18.06.1998 № 192¹⁰ экономическая зависимость определяется как чрезмерный дисбаланс в правах и обязанностях в коммерческих отношениях и оценивается с учетом реальной возможности контрагента найти разумную альтернативу на рынке. Именно отсутствие разумной альтернативы создает ситуацию дисбаланса в отношениях между сторонами, одна из которых, даже не обладая рыночной властью, свойственной доминирующим игрокам, имеет определенную власть над контрагентом.

Соответственно, в ситуации экономической зависимости наблюдается власть над конкретным контрагентом, а не власть на рынке в целом, что позволяет разграничить злоупотребление экономической зависимостью и злоупотребление доминирующим положением.

Обращение к итальянскому опыту в данном случае обусловлено тем, что, в отличие от иных европейских юрисдикций, Италия первой законодательно закрепила опровержимую презумпцию нахождения участников цифровой платформы в состоянии экономической зависимости от такой платформы.

Так, согласно ст. 33 итальянского Закона от 05.08.2022 № 118¹¹, которой были внесены изменения в упомянутую ст. 9 итальянского Закона от 18.06.1998 № 192, пока не доказано иное, экономическая зависимость предполагается, если хозяйствующие субъекты пользуются посредническими услугами, оказываемыми цифровой платформой, которая играет решающую роль для доступа к конечным

⁹ Борзило Е. Ю. Концепция экономической зависимости в регулировании предпринимательской деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 205—229.

¹⁰ LEGGE 18 giugno 1998, n. 192. Disciplina della subfornitura nelle attività produttive // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/n2ls?urn:nir:stato:legge:1998;192> (дата обращения: 07.06.2025).

¹¹ LEGGE 5 agosto 2022, n. 118. Legge annuale per il mercato e la concorrenza 2021 // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2022;118> (дата обращения: 07.06.2025).

потребителям или поставщикам, в том числе с учетом сетевых эффектов и доступности данных.

Цель данной поправки состояла не столько в распространении на новые случаи действия запрета на злоупотребление экономической зависимостью, который сам по себе имеет широкую сферу применения, сколько в содействии его применению в конкретных сферах, где существует особая необходимость в борьбе со злоупотреблениями недоминирующих игроков, обладающих «относительной рыночной властью»¹².

Представляется, что подход итальянского регулятора может быть в дальнейшем учтен в российской законотворческой и правоприменительной деятельности при оценке недобросовестных практик цифровых платформ.

Координация и вертикальные соглашения

Основной вопрос, который возникает при попытке квалификации действий цифровой платформы в качестве запрещенной координации экономической деятельности, — это природа отношений между платформой и участниками, которым платформа оказывает посреднические услуги.

Как следует из п. 14 ст. 4 Закона о защите конкуренции, не являются координацией экономической деятельности действия хозяйствующих субъектов, осуществляемые в рамках вертикальных соглашений. В этой связи в условиях цифровой экономики вопрос разграничения вертикальных соглашений и координации экономической деятельности приобретает все большую актуальность.

В юридической литературе приводятся полярные мнения: ряд исследователей отрицают возможность квалификации таких отношений в качестве вертикальных соглашений, аргументируя это специфической природой опосредующих их договорных конструкций¹³, тогда как другие представители юридической науки допускают такую квалификацию¹⁴. Данная полемика представляет собой закономерное развитие более общей научной дискуссии о включении агентских договоров в сферу регулирования вертикальных соглашений.

¹² *Bachelet V.* Il rafforzamento del contrasto agli abusi di posizione “non dominante” delle piattaforme digitali, in *Nuove leggi civ. comm.*, n. 1, 2023. P. 42 // URL: [https://www.academia.edu/99635998/Il_rafforzamento_del_contrasto_agli_abusi_di_posizione_non_dominante_delle_piattaforme_digitali_Art_33_l_5_agosto_2022_n_118_che_modifica_l_art_9_l_18_giugno_1998_n_192_\(дата_обращения:_07.06.2025\).](https://www.academia.edu/99635998/Il_rafforzamento_del_contrasto_agli_abusi_di_posizione_non_dominante_delle_piattaforme_digitali_Art_33_l_5_agosto_2022_n_118_che_modifica_l_art_9_l_18_giugno_1998_n_192_(дата_обращения:_07.06.2025).)

¹³ *Федоров П. Г.* Ретейл против маркетплейса // *Российское конкурентное право и экономика.* 2020. № 4 (24). С. 45.

¹⁴ См., например: *Жевняк О. В.* Антиконтурентная практика цифровых платформ и меры реагирования по российскому и зарубежному законодательству // *Право и политика.* 2021. № 5. С. 27 ; *Маслов А. О.* Использование владельцами цифровых платформ оговорки о паритете цен: правовой аспект // *Российское конкурентное право и экономика.* 2022. № 2 (30). С. 76.



В обновленных методических рекомендациях Еврокомиссии 2022 г., посвященных вертикальным ограничениям¹⁵, данный вопрос нашел разрешение, исходя из ранее воспринятой европейским регулированием концепции финансовых и коммерческих рисков¹⁶. Так, в п. 3.2.3 рекомендаций Еврокомиссия отметила, что соглашения об оказании посреднических услуг, заключаемые между платформами и продавцами, по сути, являются вертикальными соглашениями, поскольку платформы обычно действуют в качестве независимых операторов, обслуживающих огромное количество продавцов. Сильные сетевые эффекты вкупе с особенностями бизнес-модели цифровых платформ способствуют значительному дисбалансу в переговорной силе сторон, в результате чего условия реализации товаров и коммерческая стратегия, как правило, определяются самой платформой, а не поставщиками товаров. Кроме того, значительные инвестиции платформ в технологии, маркетинг и сервисное обслуживание свидетельствуют о том, что они несут существенные финансовые и коммерческие риски, связанные с посредническими операциями.

Тот факт, что соглашения между цифровыми платформами и поставщиками товаров могут являться вертикальными соглашениями, вовсе не означает невозможность применения в данном случае запрета на антиконкурентную координацию. Принципиально важно подчеркнуть, что квалификация таких соглашений в качестве вертикальных распространяется исключительно на отношения по оказанию платформой посреднических услуг. В аспекте же регулирования условий реализации товаров через платформу данные соглашения не обладают признаками вертикальных, поскольку цифровые платформы в классическом понимании не выступают ни покупателями, ни продавцами соответствующих товаров, а следовательно, такие соглашения не опосредуют передачу товара.

Сходный подход был продемонстрирован антимонопольным органом в деле ООО «Форд Соллерс Холдинг»¹⁷. В частности, положения дилерского договора, касающиеся услуг по техническому обслуживанию, не были квалифицированы в качестве вертикального соглашения, поскольку данные услуги не являлись предметом перепродажи в рамках дилерского договора.

Более того, указанный подход согласуется с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой направление лицом указаний продавцам относительно их поведения в отношении потребителей, в том числе если такие указания были реализованы в связи с наличием гражданско-правового договора и в силу экономической зависимости продавцов от давшего указания лица, может быть рассмотрено в качестве недопустимой координации экономической деятельности¹⁸.

¹⁵ Guidelines on vertical restraints 2022/C 248/01 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a52022xc0630%2801%29> (дата обращения: 07.06.2025).

¹⁶ Гаврилов Д. А. Агентский договор как «вертикальное» соглашение // Корпоративный юрист. 2015. № 7. С. 64.

¹⁷ Решение ФАС России от 29.02.2016 по делу № 1-11-38/00-05-15 // URL: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2025).

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». Абз. 3 п. 26.

Цифровые алгоритмы как инструмент координации

Активное внедрение цифровых технологий в предпринимательскую деятельность привело к распространению алгоритмических инструментов, оказывающих существенное влияние на координацию экономических процессов.

Так, в ряде дел против производителей смартфонов антимонопольным органом было установлено, что общества использовали ценовые алгоритмы в качестве одного из инструментов координации экономической деятельности реселлеров при реализации последними смартфонов LG и Samsung¹⁹. Такие алгоритмы позволяли осуществлять контроль за поддержанием реселлерами розничных цен на одном уровне.

Таким образом, российская правоприменительная практика по делам об антиконкурентной координации восприняла подход к алгоритмам как инструментам, способствующим нарушению антимонопольного законодательства. При таком подходе цифровые алгоритмы не могут выступать в качестве самостоятельного элемента состава антиконкурентной координации, поскольку им отведена лишь вспомогательная роль.

Аналогичный подход находит подтверждение и в зарубежной практике. Так, в решениях Еврокомиссии против Philips, Pioneer, Asus, Denon & Marantz²⁰, связанных с координацией производителями электроники деятельности реселлеров по установлению цены перепродажи товаров, отмечается, что использование ценовых алгоритмов усиливало эффект ценовой координации со стороны производителей и позволяло последним оперативно выявлять, а также пресекать любые попытки реселлеров снижать цены.

Примечательно, что российский антимонопольный орган в упомянутых знаковых делах против производителей смартфонов прямо отметил, что использование алгоритмов само по себе не является нарушением антимонопольного законодательства. Однако их использование может являться обстоятельством, способствовавшим совершению противоправных действий.

В дальнейшем антимонопольный орган предпринял попытку изложить такую логику в рамках пятого антимонопольного пакета, первый проект которого предусматривал возможность признания допустимой (в рамках ст. 13 Закона о защите конкуренции) только координации экономической деятельности, «реализуемой с использованием ценовых алгоритмов»²¹.

Однако из принятой редакции пятого антимонопольного пакета упоминание ценовых алгоритмов было исключено, а возможность применения общих правил допустимости была распространена на координацию в целом, независимо от применения ценовых алгоритмов, что представляется вполне оправданным.

¹⁹ См.: решение ФАС России от 02.03.2018 по делу № 1-11-18/00-22-17 ; решение ФАС России от 07.05.2019 по делу № 1-11-11/00-22-19 // URL: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2025).

²⁰ Case AT.40181 (Philips), Case AT.40182 (Pioneer), Case AT.40465 (ASUS), Case AT.40469 (Denon & Marantz) // URL: <https://competition-cases.ec.europa.eu/> (дата обращения: 07.06.2025).

²¹ См.: ID законопроекта: 02/04/03-18/00079428 // URL: <https://regulation.gov.ru/regulation/npa/publicview?npaid=79428> (дата обращения: 07.06.2025).



Так, цифровые алгоритмы, являясь прежде всего инструментами реализации координационной политики, не меняют экономико-правовой сущности самой координации, позитивные эффекты которой могут достигаться и с помощью традиционных методов без применения алгоритмических инструментов.

Заключение

В условиях цифровой трансформации экономики и продолжающейся платформизации отдельных рынков запрет на антиконкурентную координацию экономической деятельности приобретает особую актуальность. Это обусловлено появлением принципиально нового типа координаторов — цифровых платформ, которые, даже в отсутствие рыночной власти в контексте доминирования, получают возможность существенно влиять на конкурентную среду и диктовать условия взаимодействия участникам платформы, формируя новые модели экономической зависимости, обеспечиваемой сетевыми эффектами, эксклюзивным доступом к данным и использованием сложных алгоритмических инструментов.

В такой ситуации традиционные меры антимонопольного реагирования, ориентированные преимущественно на борьбу со злоупотреблением доминирующим положением, оказываются недостаточно эффективными, что делает запрет на координацию экономической деятельности важным дополнением к существующему правовому арсеналу антимонопольного органа в условиях меняющейся цифровой реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борзило Е. Ю. Концепция экономической зависимости в регулировании предпринимательской деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 4. — С. 205—229.
2. Гаврилов Д. А. Агентский договор как вертикальное соглашение // Корпоративный юрист. — 2015. — № 7. — С. 62—64.
3. Гаврилов Д. А. Становление и развитие правового запрета антиконкурентной координации экономической деятельности в отечественном конкурентном праве // Российское конкурентное право и экономика. — 2023. — № 3 (35). — С. 10—16.
4. Жевняк О. В. Антиконкурентная практика цифровых платформ и меры реагирования по российскому и зарубежному законодательству // Право и политика. — 2021. — № 5. — С. 14—41.
5. Кожемякин Д. В., Миронова С. М. Антимонопольные аспекты деятельности операторов цифровых платформ в гиг-экономике // Закон. — 2024. — № 3. — С. 150—159.
6. Маслов А. О. Использование владельцами цифровых платформ оговорки о паритете цен: правовой аспект // Российское конкурентное право и экономика. — 2022. — № 2 (30). — С. 74—83.

7. Мильчакова О. В. Нарушение конкуренции онлайн-платформами в сфере туризма (в части требований о паритете цен): опыт зарубежных стран // Российское конкурентное право и экономика. — 2019. — № 3 (19). — С. 54—59.
8. Терещенко Л. К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. — 2024. — № 9. — С. 163—175.
9. Федоров П. Г. Ретейл против маркетплейса // Российское конкурентное право и экономика. — 2020. — № 4 (24). — С. 44—49.
10. Bachelet V. Il rafforzamento del contrasto agli abusi di posizione “non dominante” delle piattaforme digitali, in Nuove leggi civ. comm., n. 1. — 2023. — P. 39—85.